

Редьярд Киплинг

Подлог в банке

*Часть сборника
В горной Индии (сборник)*

Редьярд Жозеф Киплинг

Подлог в банке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648331

Аннотация

«Если бы Реджи Бёрк был теперь в Индии, он рассердился бы, что я рассказываю эту историю, но так как он в Гонконге, и она не попадётся ему на глаза, то я могу спокойно повести свой рассказ.

Реджи совершил большой подлог в Синд-Сиалкотском банке. Он был там заведующим иностранным отделением и считался очень практичным, дельным человеком, с большим опытом по части местных ссуд и страхований. Реджи Бёрк умел совмещать развлечения повседневной жизни со своей работой, и притом хорошо работать. Он ездил на любой лошади, танцевал так же ловко, как ездил верхом, и без него не обходилось ни одно развлечение на станции...»

Редьярд Киплинг

Подлог в банке

* * *

Если бы Реджи Бёрк был теперь в Индии, он рассердился бы, что я рассказываю эту историю, но так как он в Гонконге, и она не попадётся ему на глаза, то я могу спокойно повести свой рассказ.

Реджи совершил большой подлог в Синд-Сиалкотском банке. Он был там заведующим иностранным отделением и считался очень практичным, дельным человеком, с большим опытом по части местных ссуд и страхований. Реджи Бёрк умел совмещать развлечения повседневной жизни со своей работой, и притом хорошо работать. Он ездил на любой лошади, танцевал так же ловко, как ездил верхом, и без него не обходилось ни одно развлечение на станции.

Как он сам говорил и как убеждались, к своему удивлению, многие из его знакомых, в нем сидело два Реджи Бёрка: между четырьмя и десятью – готовый на что угодно, начиная с гимнастических упражнений в жаркий день и кончая пикником верхом, а с десяти утра до четырех – «м-р Реджинальд Бёрк, управляющий отделением Синд-Сиалкотского банка».

Вечером вы могли играть с ним в поло и слышать его за-

мечания о неправильном ходе противника, и на другое утро могли прийти в банк по поводу займа в две тысячи рупий или страхового полиса в пятьсот фунтов при уплате девяноста фунтов премии. Он бы узнал вас, но вы бы его не узнали.

Директора банка – его главное отделение находится в Калькутте, и слово его главного управляющего имеет большой вес у правительства – хорошо умели подбирать служащий персонал. Они испытали Реджи самым строгим образом, где другой, может быть, сломал бы себе шею, и доверяли ему настолько, насколько директора могли когда-нибудь доверять заведующему. Увидите сами, было ли это доверие необоснованно.

Отделение Реджи находилось на большой станции и работало с обычным составом служащих: заведующим, одним бухгалтером – оба были англичане – кассиром и несколькими туземными конторщиками. Ночью у дверей дежурила местная полиция из туземцев. Так как отделение находилось в промышленном округе, то главную работу составляло хунди и всякого рода ссуды. Только дурак не приобретёт быстро навык в такого рода делах, а умный человек, не водящий знакомства со своими клиентами и не знающий в точности их обстоятельств, хуже дурака. Реджи был моложавый, гладко выбритый человек, с искрой в глазах и такой головой, на которую никакая гупперовская мадера не могла повлиять.

Однажды, за большим обедом, он возвестил, что директора прислали ему в счетоводы редкостный естественно-

исторический экземпляр. М-р Сахас Рили, счетовод, был действительно любопытное создание – длинный, сухопарый, ширококостный йоркширец, полный сознания собственного превосходства, какие расцветают в каком-нибудь благословенном английском графстве. Надменность было мягкое слово для характеристики м-ра С. Рили. После семи лет работы он возвысился до места кассира в одном из гедерсфильдских банков, и вся его опытность ограничивалась северными факториями. Может быть, ему бы повезло больше в Бомбее, где банки довольствуются полупроцентом прибыли и где деньги дешёвы. Для южной, пшеничной, провинции, где человеку нужна светлая голова и некоторая доля воображения, чтобы свести удовлетворительный баланс, он был совершенно бесполезен.

В делах Рили дальше своего носа ничего не видел и, как новичок в этой местности, не имел понятия о том, что операции индийского банка совершенно отличны от лондонского. Как многие люди, пробившиеся только собственными силами, он был простодушен, и тем или иным путём вывел из обыкновенных вежливых выражений письма, которым принимался на службу, убеждение, что директора остановились на нем, благодаря его особенным, специальным талантам, и что они возлагают на него большие надежды. Это убеждение выросло и выкристаллизовалось в нем, отчего его самомнение северянина ещё больше возросло. Здоровья он был слабого – страдал какой-то грудной болезнью – и характер имел

резкий.

После этого вы, вероятно, согласитесь, что Реджи имел право называть своего нового бухгалтера естественноисторическим курьёзом. Эти два человека ни в чем не могли сойтись. Рили видел в Реджи дикого идиота, имеющего значение только благодаря своему положению, проживающего жизнь Бог знает по каким трущобам, называемым «собраниями», и совершенно непригодного для серьёзных, важных банковских занятий. Он никак не мог примириться с его молодежьим видом а la «черт меня побери» и никак не мог понять друзей Реджи – щеголеватых, беззаботных военных, приезжавших на воскресные завтраки в банк и рассказывавших глупые анекдоты, пока Рили не вставал и не выходил из комнаты.

Рили постоянно указывал Реджи, как надо вести дела, и Реджи не раз приходилось доказывать новому бухгалтеру, что семилетняя очень ограниченная практика в провинциальном банке вовсе не даёт человеку достаточного опыта для того, чтобы управлять большим делом в центре страны. Рили надувался и выставлял себя столпом банка и возлюбленным другом директоров, а Реджи рвал на себе волосы. Когда подчинённые англичане не соблюдают субординации, управляющему приходится плохо, потому что от туземцев помощи можно ожидать только в очень ограниченных размерах. Зимой Рили часто по целым неделям болел, и Реджи приходилось работать за двоих. Но он предпочитал это постоянным

неприятным столкновениям с Рили, когда тот бывал здоров.

Один из ревизоров, объезжающих временами банки, открыл эти столкновения и известил директоров. Рили попал в банк благодаря одному лицу, нуждавшемуся в поддержке отца Рили, желавшего отправить сына в жаркие страны из-за его лёгких. Человек, поместивший Рили, был вкладчиком банка, но одному из директоров хотелось провести в банк своего протеже, и после смерти отца Рили он убедил членов совета, что бухгалтер, болеющий полгода, должен, по справедливости, уступить своё место здоровому человеку.

Знай Рили всю историю своего назначения, он, быть может, держал бы себя иначе, но ему не было известно ничего, и когда он снова явился на службу после болезни, то упорно и безостановочно раздражал Реджи всем, чем только может досадить подчинённый, имеющий о себе преувеличенно высокое мнение. Реджи облегчал себе душу, обзывая его за спиной самыми обидными словами, но в лицо он никогда не оскорблял его, говоря, что «Рили такое хрупкое животное, что половина его проклятого самомнения происходит от того, что у него болит грудь».

В конце апреля Рили заболел действительно серьёзно. Доктор, выслушав и осмотрев его, сказал ему, что он скоро поправится, но потом пошёл к Реджи и спросил его:

– Знаете ли вы, как серьёзно болен ваш бухгалтер?

– Нет, – отвечал Реджи. – Чем хуже ему, тем лучше, черт его побери! Он только вечно во все впутывается, когда здо-

ров. Я, право, выхлопочу вам награду от банка, если вы заставите промолчать его все лето.

Однако доктор не смеялся.

– Я не шучу, – сказал он. – Он пролежит в постели месяца три, а с неделю будет умирать. Клянусь честью и своей репутацией, больше он ничего не получит от жизни. У него злейшая чахотка.

Лицо Реджи сразу превратилось в лицо «м-ра Реджинальда Бёрка», и он спросил:

– Что я могу сделать?

– Ничего, – ответил доктор, – человек уже умер для каких-нибудь практических соображений. Дайте ему покой, старайтесь поддержать бодрое настроение духа и уверяйте, что он поправится. Вот и все. Я, конечно, буду навещать его до конца.

Доктор ушёл, а Реджи принялся за разборку вечерней почты. Первое, что попало ему под руку, было письмо одного из директоров, сообщавшего ему, что Рили будет отставлен от должности через месяц, о чем предупреждается, согласно контракту. Рили получит на днях письменное уведомление, а место его перейдёт к новому бухгалтеру – человеку, которого Реджи знал и любил.

Реджи закурил сигару, и, прежде чем он докурил её, у него в голове созрел план подлога. Он отложил в сторону – «скрыл» письмо директора и отправился к Рили, который оказался нелюбезен, как всегда, и все время хвастливо со-

крушался, как же банк обойдётся без него во время его болезни. Ему и в голову не пришло, сколько работы взваливается на плечи Реджи, и он только горевал, что его собственная карьера может пострадать. Реджи уверил его, что все обойдётся, а он, Реджи, ежедневно станет советоваться с ним, Рили, об управлении банком. Рили несколько успокоился, но дал понять, какого невысокого мнения он был о деловых способностях Реджи. Реджи держал себя скромно. А между тем у него в конторке хранились письма директоров, которыми могли бы гордиться знаменитые банковские дельцы Джильберт или Харди.

Дни проходили в большом доме, занавешенном от солнца. Реджи спрятал письмо об отставке Рили, а сам каждый вечер отправлялся с книгами в комнату Рили и показывал ему, что он сделал за день. Рили же насмешливо улыбался. Реджи выбивался из сил, чтобы своими отчётами угодить бухгалтеру, но тот был убеждён, что на днях должен наступить крах банка.

В июне, когда лежание надоело ему, он спросил, известно ли директорам об его отсутствии, и Реджи ответил, что они писали самые сочувственные письма, в которых выражали надежду, что он будет в состоянии скоро возобновить свои ценные занятия. Он показывал письма Рили, но тот заметил, что директорам следовало бы написать ему лично.

Несколько дней спустя в сумерки Реджи подали письмо на имя Рили, и он передал больному лист, но без конверта –

письмо Рили от директора. Рили сказал Реджи, что он был бы благодарен ему, если бы тот не трогал его личных писем, когда он сам слишком слаб, чтобы распечатывать их. Реджи извинился.

Потом Рили стал ещё раздражительнее и стал читать Реджи нравоучения о его жизни, о пристрастии к лошадям и дурным знакомым.

– Конечно, лёжа, беспомощный, я не могу руководить вами, мистер Бёрк, но когда выздоровлю, то, надеюсь, вы обратите внимание на мои слова.

Реджи, забросивший и поло, и обеды, и теннис, и все вообще, чтобы ухаживать за Рили, отвечал, что он раскаивается, и, ничем не выдавая своего нетерпения, поправил на подушке голову больного, между тем как тот продолжал ворчать и читать наставления сухим отрывистым шёпотом. И все это должен был выносить Реджи после тяжёлой дневной работы в банке за двоих и во вторую половину июня.

Когда приехал новый бухгалтер, Реджи в общих чертах сообщил ему о положении дел, а Рили сказал, что приехал гость. Рили ответил, что следовало бы быть деликатнее и не приглашать к себе «сомнительного качества» приятелей в такое время. Реджи из-за этого снял для Каррона – нового бухгалтера – комнатку в клубе. Прибытие Каррона избавило его от части работы, и он мог посвящать больше времени Рили – объяснять ему, успокаивать его, придумывать, то и дело поправлять бедняге подушки и сочинять хвалебные

письма из Калькутты. В конце первого месяца Рили пожелал послать весточку о себе домой, матери. Реджи отправил послание. В конце второго месяца Рили получил своё жалование, как обычно: Реджи выдал его из собственного кармана и вместе с ним передал Рили чудное письмо от директора.

Рили был действительно очень болен, но пламя его жизни горело неровно. Временами он был весел и строил планы о будущем, мечтая поехать домой и повидаться с матерью. Реджи, приходя из банка, терпеливо выслушивал и ободрял его.

Иногда же Рили настаивал, чтобы Реджи читал ему Библию и мрачные методистские трактаты. Из последних он выводил нравоучения для заведующего. Но у него всегда находилось время, чтобы критиковать банковские дела и указывать Реджи, в чем недосмотр.

Постоянное пребывание в комнате больного и то, что он не бывал на свежем воздухе, очень влияло на Реджи. Нервы его ослабли, и его игра на бильярде понизилась на сорок очков. Но банковские дела и уход за больным нельзя было бросить, хотя термометр и показывал 116 градусов в тени.

К концу третьего месяца силы Рили стали быстро убывать, и он сам начал понимать, что очень болен. Но сомнение, из-за которого он мучил Реджи, отдаляло от него сознание безнадежности его положения.

– Необходимо чем-нибудь поддерживать его умственную деятельность, если хотите, чтобы он ещё протянул, – говорил

доктор. – Постарайтесь как-нибудь возбудить его интерес к жизни.

И Рили, наперекор всем существующим законам и правилам, получил от директоров 25 процентов прибавки к жалованью. Возбудить «умственную деятельность» удалось великолепно. Рили был счастлив и доволен и, как это часто бывает с чахоточными, чувствовал себя бодрее духом, между тем как тело слабело. Он тянул ещё месяц, иронизируя и критикуя банковские дела, мечтая о будущем, слушая Библию, отчитывая Реджи за его грехи и с нетерпением ожидая дня, когда ему позволят ехать домой.

Но в один нестерпимо душный сентябрьский вечер он поднялся на постели, жадно глотая воздух, и обратился к Реджи:

– Мистер Бёрк, я умираю. Мне это ясно. В груди пустота, дышать нечем. Совесть не упрекает меня, – он вернулся к языку своей юности, – ни в каком дурном поступке. Слава Богу, я был избавлен от грубых проявлений греха, и советую и вам, м-р Бёрк...

У него пропал голос, и Реджи наклонился над умирающим.

– Отошлите моё жалованье за сентябрь матери... Много бы я сделал для банка, если бы остался в живых... Ошибочная политика... Но я не виноват...

Он отвернулся к стене и умер.

Реджи закрыл ему лицо простыней и вышел на веранду. В

кармане его лежало последнее «возбуждающее умственную деятельность» письмо с выражением сожаления и утешения от директоров, которым он не успел воспользоваться.

«Приди я десятью минутами раньше, может быть, удалось бы поддержать его ещё на сутки», – подумал он.